

стианской и феодальной идеологии, причем эти правила касались личного поведения человека и его взаимоотношений с окружающими. В составе сборников — этой наиболее распространенной формы древнерусской рукописной книги — рядом с историческими, житийными и повествовательными произведениями мы постоянно находим в большем или меньшем количестве поучения, переводные и русские (последние для придания им большей авторитетности нередко надписывались именами отцов церкви), и в том числе и такие, основной темой которых было «человековедение». К XIV в. из этих поучений слагается Измарагд, в который вошли лучшие произведения именно такого типа.

Насколько популярным чтением были поучения на моральные и вообще человековедческие темы, можно судить хотя бы по тому, как часто цитаты из них встречаются у русских писателей начиная с XII в., а весь морализирующий раздел «Домостроя» построен на поучениях Измарагда. Судя по числу сохранившихся списков, большой интерес у читателей вызывали и сборники изречений. Извлеченные из религиозной литературы и из сочинений «внешних философ» светские афоризмы этих сборников главное внимание сосредоточивают на основных правилах человеческой морали, рекомендуют черты поведения, обязательные для каждого члена общества, и гораздо реже затрагивают вопросы социальных связей, взаимоотношения разных классовых групп. То положительное, чего требуют от каждого человека в его личном и общественном поведении избранные из разных источников изречения, — это общеобязательная норма поведения; она не определяется ни специфически религиозными, ни классовыми требованиями. Нарушения этой нормы осуждаются одинаково и язычниками — античными писателями, и отцами церкви, наставлявшими в средние века христианские народы. С этими нормами вплоть до нового времени мы встретимся в пословицах и поговорках, выражающих народную мудрость. Именно в совпадении в самом понимании основ морали и заключается причина того, что иногда книжный афоризм усваивался народной пословицей и в слегка обработанной форме жил долгие века. Но зачастую народная пословица, сложившаяся независимо от литературы, по мысли аналогична далекому от нее по времени книжному афоризму.

Изучение наследия учительной литературы древней Руси в его «человековедческой» части расширяет и углубляет наше представление о древнерусском человеке — читателе и писателе, о его способе мышления, о том, что он умел разглядеть во внутреннем мире своем и окружающих, в своих взаимоотношениях с ними, как он оценивал те или иные стороны личной и общественной жизни. Вместе с тем мы узнаем, насколько подготовлен был русский писатель теоретически к литературному изображению человека во всей сложности его «нрава», когда эта задача станет главной для литературы в целом.

I

Поставив перед собой задачу научить людей жить в соответствии с нормами христианско-феодальной этики, афористические сборники, наряду с другими разновидностями учительной литературы, не только разъясняли эти нормы, предостерегали от нарушений их, наглядно изображая и причины отступлений от них, и вредные последствия, но вместе с тем требовали и от самого человека активной проверки своего «нрава», «помыслов» и поведения.

Призыв прежде всего внимательно всматриваться в свой душевный мир, чтобы проверять свое поведение, древнерусский читатель услышал